

ВИКТОР-ЯРОСВЕТ

Охватить всё 2

ВСТРЕЧА

Виктор-Яросвет

Охватить всё 2. Встреча

«Издательские решения»

Виктор-Яросвет

Охватить всё 2. Встреча / Виктор-Яросвет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831015-7

В своём произведении я попытался выразить не только события, которые происходили, а то, что творилось с героями в их внутреннем мире, во всём многообразии их чувств, мыслей, переживаний, состояний, все муки или радости души.

ISBN 978-5-44-831015-7

© Виктор-Яросвет
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ОХВАТИТЬ ВСЁ 2
Встреча
Виктор-Яросвет

© Виктор-Яросвет, 2016

ISBN 978-5-4483-1015-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Что должен автор выразить в своём произведении? Описание событий и поверхностный обзор мыслей и чувств. Но каждый человек, если это человек, имеет не только внешний мир событий и все переживания, связанные с этими событиями, но ещё и мир внутренний, который он, чаще всего, скрывает даже от себя. В своём произведении я попытался выразить не только события, которые происходили, а то, что творилось с героями в их внутреннем мире, во всём многообразии их чувств, мыслей, переживаний, состояний, все муки или радости души. И никто не упрекнёт меня, ибо это исследование моей внутренней жизни я начинаю с себя. Да, это оказалось завлекательно, и я весьма глубоко проник в эти палаты внутренних покоев, но об этом позже, наверное, в следующем произведении, которое назову – «Танец Времени», а пока попытаюсь ввести новые символы понятия выраженья мысли в чувствах и чувства в мыслях.

Глава первая

Может ли знать человек, что произойдёт завтра?.. Может!.. но это знание, в любом случае, будет только предположением. Елисею было уже тридцать девять лет, скоро сорок... скоро?.. Возраст весьма приличный и удивительный, возраст первых предварительных выводов и переосмысления своей жизни. Так ли он проживает свою жизнь, правильно ли, и какой след оставляет на земле?..

Вспомнил свою бурную молодость, свои похождения, женитьбу, создание семьи, неплохой семьи, свои устремления и накопления, опыт... Дети растут и радуют доброе отцовское сердце. Да!.. почему же он вспомнил?.. и почему стал задумываться о своём грядущем сорокалетию?.. Ещё тогда, когда было ему всего семнадцать лет, один человек предложил в шуточной форме посмотреть по его руке его жизнь. Конечно, Елисей ни во что не верил и, смеясь, протянул ему свою руку.

– Ждёт тебя бурная молодость – начал без предисловий «хиромант», – даже, когда женишься, будешь искать то, не знаю что и устраивать себе нагрузки, но!.. – Елисей непроизвольно замер, – жизнь размеренно-бурная прекратится в сорок лет. В сорок лет, Елисей, в твоей жизни начнут происходить большие изменения, а дальше... – «хиромант» замолк.

– Что?.. – не выдержал паузы Елисей, но «хиромант» опустил руку и закончил:

– А дальше после бурной жизнедеятельности накопление мудрости, нахождение себя и достаточно спокойная жизнь.

Елисей задумался и после небольшой паузы сделал заключение:

– Спокойно жить, значит с чётко обозначенной целью...

– Не совсем так – ответил «хиромант», – такие, как ты спокойной жизнью называют не обывательское благополучие, а установка равновесия, только вот есть ли оно, это равновесие?..

– Да, да, и я об этом.

И, тем не менее, жизнь установилась. Внешние изменения и бури Елисея не пугали, он ушёл в себя, много читал и, что самое главное, последнее время начало открываться давно забытое восприятие мира, но будто всё сначала. Он назвал это открытие – касание вечности. Вспомнил, что когда-то в юности и детстве мир иначе видел, видел через краски песен, стихов, что сочинял, через сиянье звёзд, шум ветра, зарево заката и рассвета, через первый солнца луч, через любовь, что возникает, чтобы украсить мир, наполнить смыслом.

Но, разве он не любит?.. не встречает солнце чуть не каждый день?.. И вспомнил вновь, что в детстве, юности и позже приходилось защищать свой мир, сейчас он просто спрятался от мира, ушёл в себя и никого туда не допускал. «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»... вспомнил Елисей, это критерий жизни для него.

Как он живёт?.. кругом развал, утеря нравственности и морали, предательство и рынок... Как выжить в мире, в котором всё перевернулось, как найти и сохранить?.. Он видел, как рушились не только предприятия, и государство, разрушались семьи, коллективы, законы волчи захватывали всё большие пространства жизни... Для себя искал он выход и нашёл его, считал... Начал опять стихи писать, да и не только, начал рассказывать себе о том, что будоражило сознание, рассказывать в стихах, в рассказах, в виде искусства, творчества, познания.

Такие мысли всё чаще возникали, волновали сердце, просились к проявлению. Это нормально!.. ненормально то, что люди углубились в рынок и в духовной сфере, в том числе, не только продавали, а душа стала копейки стоить. Когда-то... он помнит, что люди другими были, люди понимали, песни пели, что в полюшке поют, радовались и огорчались, были более общины. А сейчас?..

Шел тысяча девятьсот девяносто восьмой год. Прошло два года, как Елисей работал в модельном цехе, и это радовало и успокаивало хоть чуть-чуть, потому что здесь сохранилась доля культуры, которая сознание определяла, сопротивлялась рынку, но рынок наступал и всюду проникал...

Мимо Василиса проходила, что мастером его была. Он часто наблюдал за ней, как бы тайно. Было интересно, то, что он видел её не в месте, где она идёт, а где-то впереди. Это состояние ему знакомо было, особенно, когда писал стихи. Они писались не тогда, когда записывались на бумаге, а, именно, в такие вот моменты жизни и по этим признакам понял, что Василиса тоже стихи пишет. Решил проверить.

Однажды, когда она мимо проходила, он её окликнул:

– Василиса Михайловна, можно вас?..

Василиса подошла:

– Что-то непонятно?

Елисей достал чертёж и сделал вид, что непонятно. Она убеждённо стала объяснять, но он её не слушал. Само присутствие её возле него почему-то будоражило сознание, особенно в последнее время, мелкой рябью волнения охватывало Елисея, будто он входил в её пространство жизни. Не это удивляло, это не считал он чудом, удивляло то, что её пространство было чистым, даже звенящим искорками электрических разрядов, которые охватывали тело, наполняя лёгкой негой.

Василиса, по-видимому, поняла, что Елисей не слушает её, прекратила объяснять, только спросила:

– Вам понятно?

Елисею вдруг захотелось с ней поговорить не в рабочей обстановке, но как к этому прийти, пока не знал, тем не менее, спросил:

– С вами можно не в рабочей обстановке поговорить?

Василиса замерла, хоть и не удивилась. К ней часто обращались люди со своими проблемами в семье и в жизни. Почему-то многие считали, что её советы продуктивны, а она не отказывала в советах никому. Конечно, чаще просто выливали все свои проблемы, жалобы и просто грязь души, но к этому она привыкла. Ей и самой хотелось излияния, понимания и хоть чуть-чуть внимания к себе... Вот и сейчас поняла вопрос, как желание совета, поделиться с ней какими-то проблемами в семье.

– Я не против, но где же вы хотите встретиться?..

Елисей не стал торопить события. Он видел, что Василиса пишет стихи скрытно или занимается каким-либо искусством, тема для разговора просто прекрасная... решил просто, достал из шкафа несколько листов бумаги и Василисе протянул:

– Почитайте...

– Что это?.. – спросила Василиса.

Но Елисей уклончиво ответил:

– Дома только. Хорошо?

– Хорошо. – Заметила, что Елисей чуть покраснел или показалось, взяла листы бумаги, аккуратно свёрнутые в небольшой рулончик и, молча, удалилась.

Елисей сел на табуретку, которую сам и сделал, углубился в память, которая стала открываться почему-то, как страницы давно забытой книги. Состояние, в которое попал во время разговора, ему знакомо было до боли в сердце. Ощущение, что это уже было с ним когда-то, нет не разговор сам по себе, а состояние, которое возникло от присутствия Василисы, та чистота и непосредственность, которая не вне, внутри и где-то очень глубоко. Так глубоко, что будто нет его, вернее было, но ушло бесследно. Он будто просыпался от гипнотического сна, но ещё не понимал, что происходит.

На передний план сознания всплывала дивная картина жизни, его жизни... тех времён далёких, когда он только в жизнь входил... Как же зовут её?.. как?.. Ах, вспомнил!.. Люся!.. дочь народа манси. Чиста, как маленький ребёнок...

*** Она шла к нему из леса в лёгком платье с распущенными волосами и улыбалась, будто говорила:

– Ты звал меня?.. мой милый!.. мой любимый!..

– Нет – ответил Елисей, – даже образ твой забыл.

Как это страшно!.. он всё забыл, осталось в памяти лишь состояние, то состояние, что искорками электрических разрядов его пространство жизни наполняло свежестью в хрустальном перезвоне чистоты самой и радостью присутствия любимой, как озон после грозы.

По натуре был добрым Елисей, только всегда приходилось прятать эту доброту, потому как мир жестоким был, так ему казалось. Он, как ёжик, спрятался в себя, подняв иголки. Иногда к нему тянулись люди, чувствуя ту доброту, но чаще на иголки натыкались и в покое оставляли.

Люся всё ближе подходила, на поверхность всплыли её глаза... какие же они, её глаза?.. опять не помнил, вспомнил только чистую улыбку...

– Ты такой колючий, Елисей – тихо прошептала Люся.

– Зачем?.. зачем ты появилась?.. Чтобы колдовать опять?..

– Нет, любить!..

– Это невозможно, Люся, ты осталась там, далеко за горизонтом, как мираж, как прекрасное мгновение жизни... Останься в нём.

Засмеялась Люся.

– А ты, как ёжик в тумане, да в таком тумане плотном, что и себя уже не видишь, одни клочки воспоминаний да колючки.

– Да – согласился Елисей, – не вижу и видеть не хочу.

– А что же делать будешь, когда рассеется туман?.. ведь солнце поднимается всё выше, туман тает всё быстрее.

Она стояла возле Елисея в пяти метрах, не решаясь подойти поближе, будто ожидала приглашения:

– Ты обнять меня не хочешь?..

Волна нежности от Елисея устремилась к Люсе.

– Хочу.

– Так подойди и обними... Какой же ты несмелый стал, – засмеялась Люся.

Елисей напрягся весь, душа вот-вот к ней устремится, но сдерживало что-то...

– Тогда не подходи, я всё равно останусь рядом, ты сам позвал, – капризно заявила Люся.

Елисея это рассмешило почему-то, ведь понимал прекрасно, что это невозможно, но пусть прекрасные воспоминания вернуться.***

– Елисей!.. – услышал голос Василисы. Быстро встал, чуть покраснел, будто уличили в чём-то...

– Что?

– С вами всё в порядке?..

И!.. он увидел тот же взгляд, но это был взгляд Василисы, который наполнял пространство свежестью и чистотой.

– Всё в порядке, Василиса Михайловна. Просто задумался я-а... что-то с памятью моей стало, – улыбнулся мило.

Василиса пожала чуть плечами и пошла... нет, поплыла в заоблачную даль, как ручеек водички родниковой, что у Елисея в сердце заструилась, пытаясь вырваться наружу.

Елисей дал Василисе почитать свои стихи, не все, а самые простые. Он никогда и никому не рассказывал о своих увлечениях, и почему-то захотелось поделиться с ней, энергия кипела, рвалась к проявлению. Почему же ей?..

И!.. будто всё, что происходит, уже было. Он это точно вспомнил, но что, не помнил... Восьмое марта – международный женский день!.. В канун в цехе устраивали праздник, сами рабочие. Рабочий день заканчивался праздником всеобщим. Он сам не понимал причины, Василисе решил подарить один цветок – искусственную розу, но так получилось, что эту розу он просто подарил всем женщинам, работающим в цехе. Тогда кто-то спросил... может Василиса:

– Почему искусственная роза?..

– Как символ – ответил Елисей, смутившись, – символ любви большой!.. завянет сорванная роза, эта не завянет никогда, и жизнь её только от вас зависит.

Тогда увидел, как Василиса посмотрела на него... не как на работника, как на мужчину, как на человека, а Елисей в себе увидел перекрёсток трёх дорог, два из которых принадлежат не человеку, а жизни, року или судьбе, но третий путь коварства. На третьем человек бросает вызов жизни. Он понимал, что если вступит в битву с жизнью, с самой судьбой, то или победит и всё изменится глобально, или проиграет и повержен будет. И опять?.. что-то с памятью его стало, всё, что было с кем-то, помнил, а свои мгновенья жизни туманом укрывались, который иногда рассеивался чуть, чтобы вновь укрыть воспоминания. Всё это вспомнил Елисей, ещё не понимая, что с ним происходит.

Вечером домой он не поехал, а решил немного прогуляться, в порядок мысли привести. Он не понимал ещё, что вновь, как в молодости, включился в опасную игру, ещё не понимал, что жизнь, сама природа уже включилась и поздно отступать. В таком случае события определяются иначе, он просто выпадает, будто из общего потока жизни и чем дальше, тем больше людей будет привлекаться в эту орбиту жизни.

«Что-то я сегодня загрузился» – подумал Елисей.

Он шёл не торопясь к остановке по центральной улице микрорайона. До остановки было километра два. Жил он в пригороде и на работу их возил автобус, но сегодня не поехал Елисей, а просто не спеша шёл по улице, иногда садился в сквере отдохнуть. В поле зрения попал кабак, небольшая забегаловка, в которой кроме водки и, скорее всего, палёной водки и простенькой закуски ничего не продавалось. Почувствовал, что чуть замёрз, решил зайти, выпить стаканчик, чтоб согреться и идти на остановку. Таких маленьких забегаловок в девяностые годы было много и это люди свободой называли. Да, была свобода – свобода блуда, пьянства, бандитизма, даже свобода совести, что понималась в виде веры в бога, но это и неважно, хоть в дьявола, но лишь бы вера... Своеобразная свобода, которая мораль уничтожала и всё свободное, что в человеке оставалось.

В Советские времена не было свободы... так считалось. Она была где-то внутри – свобода мыслей, чувств, совести, культуры, свобода самовыражения, труда, образования, но не было свободы блуда, спекуляции, это пресекалось и каралось. Зато сейчас... Выпив пару стопок водки, Елисей согрелся и пошёл на остановку. Кровь, разогретая спиртным, в сознании воспоминания вскрывала, но будто ключьями бессвязных мыслей, образов, картин.

До остановки оставалось метров триста, и шёл он быстро, надо было успеть на последний автобус, да и на улице уже темно, только редкие фонари немного дорогу освещали. Неуютность, неорганизованность и хаос чувствовался всюду и во всём. Впереди вдруг увидел женщину лет сорока с двумя большими сумками. По-видимому, она тоже шла на остановку. Решил помощь предложить, но без всякой надежды на то, что согласится. Время такое, люди верить людям перестали, слишком много всплыло всякой грязи на поверхность жизни, но... как не странно, женщина согласилась сразу.

– Спасибо вам!.. а то чувствую, что и на последний автобус опоздаю. Елисей взял сумки и кивнул, показывая ей, чтоб шла вперёд. Она замешкалась чуть, но пошла, сначала как-то обречённо, изредка оглядываясь на Елисея. Метров через пятьдесят успокоилась, так как Елисей не отставал. Более того, чтобы женщина не волновалась, постоянно говорил:

– Вы работаете то на заводе что ли?

– Нет, я в невродиспансере работаю медсестрой, вот, иду со смены.

– Понятно. В сумках, конечно, зарплата?.. – не спросил, а сделал вывод. Он прекрасно понимал, какая у медиков сейчас зарплата, да и платят через раз.

– И да, и нет. Что там брать то?..

– Действительно, что, разве, что отоварка... Меня Елисеём зовут, – сказал для убедительности того, что его не надо бояться, и он честен и бескорыстен в помощи своей.

– Меня Татьяна – промолвила она, как окатила водичкой родниковой.

– Татьяна-а?.. – Елисей остановился, даже поставил сумки. Татьяна остановилась тоже, глядя с вопросом:

– Что?..

В сознании ключья воспоминаний стали собираться в яркую картину его жизни, которая вот-вот грозой взорвётся, но он приглушил воспоминания, улыбнулся Тане, поднял сумки.

– Пошли, Татьяна, а то опоздаем, придётся куковать всю ночь на остановке.

– Как это, куковать?.. – не поняла Татьяна.

– Ну, если опоздаем, но мы не опоздаем, – заверил Елисей.

Татьяна посмотрела на часы, когда проходили мимо фонаря:

– Нет, не опоздаем, ещё двадцать минут, – не оборачиваясь, проговорила Таня.

Но Елисей уже забыл.

– Вот так и ходите каждый день?.. – спросил её.

– Нет, не каждый день, мы по двенадцать часов работаем. Завтра в ночь.

Елисей понял вдруг, что это приглашение на более близкое знакомство, отметил это...

– Всё равно, часто. И не страшно здесь, как на пустыре и некуда бежать в случае чего?

– Боюсь – призналась Таня, – а куда деваться?..

– Да, действительно, куда деваться... живёте то где?.. на какой улице, что-то раньше не встречал?

– На Колхозной – ответила Татьяна. Это было дальше, куда ехал он на пару остановок.

К остановке подходили в самый раз, вскоре автобус подошёл, народу было много, и Татьяна в автобусе невольно плотно прижималась к Елисею.

– Далеко живёшь от остановки?.. – перешёл на ты как-то произвольно Елисей.

– Не очень, но прилично, – ответила Татьяна.

Ему раньше выходить, придётся с ней местами поменяться, и она, по-видимому, поняла, прижималась к нему ещё плотнее.

– Я уступлю, вы-ы... ты не переживай.

Когда автобус к остановке Елисея подъезжал, чуть отступила в сторону, как-то обречённо, глядя на него.

– Проходи-и!..

– Не суетись, Татьяна, я провожу тебя, – посмотрел прямо в глаза, – не до дому, а чуть-чуть, а потом на этом же автобусе обратно.

Успокоилась Татьяна:

– Дома то не потеряют?

Улыбнулся Елисей:

– Уже потеряли, так что часик не сделает погоды.

Что-то с ним происходило, а что, понять не мог, будто краски мира изменились или только меняются. Он вдруг увидел красоту!.. вот и в глазах у Тани, незнакомой женщины, помог которой. Красоту не внешнюю, а где-то глубоко-о, сменились запахи, запах женщины почувствовал, не только просто пассажирки, почувствовал прикосновение, влечение и что-то ещё-о...

– Елисей!

– Да – очнулся Елисей.

– Я приехала.

Он быстро сумки взял и вышел за ней следом. Шёл рядом, и почему-то немного кружилась голова, подумал: «Это от того, что выпил и... женщина»!.. – он чувствовал её!.. Она что-то говорила, но он ничего не понимал, он просто чувствовал её, как женщину, манящую, прекрасную, доступную-у... а почему доступную?.. вспомнил молодые годы, понял.

– Муж увидит, приревнует?..

– Не увидит и не приревнует, – грустно ответила она.

Подожли к небольшому дому, остановилась Таня:

– Вот и пришли, спасибо Елисей, – повернулась и пошла, взяв у него сумки. Почувствовал, что она хочет, чтобы он зашёл к ней в гости...

Наверное, так бы и случилось, но что-то сдерживало напроситься, воспоминания роились в голове, но хаотически, бессвязно:

– Мы встретимся когда-нибудь ещё?..

– Не знаю, Елисей. Но, адрес знаешь, в гости придёшь, не выгоню, чаем напою-у.

Понял, что это, по сути, приглашение... стоит окликнуть и здесь останется с ней до утра, понял, что мужа нет, во всяком случае, сегодня, но не окликнул, просто стоял, смотрел ей вслед. Она уходила и уносила что-то с собой, будто за ниточку тянула и с него что-то слетало.

Надо идти домой, вспомнил, что обратно автобус не поедет, это последний был. Посмотрел последний раз на дом Татьяны, подумал почему-то, что, наверное, он ещё придёт сюда, в окне лицо её увидел, но повернулся и пошёл домой, время уже много было, а идти около двух километров.

*** Будто ниоткуда женщина возникла впереди. Непроизвольно произнёс:

– Татьяна!..

Обернулась женщина, остановилась. Было темно, но он ясно увидел ту Татьяну из его молодости бурной.

Картина сменилась сразу и вот он сидит возле калитки Таниного дома, он и она, рядышком друг с другом. Он смотрит на неё с вопросом.

– Вижу, хорошо всё у тебя?.. – просто сказала, не спросила.

– Наверное, – ответил Елисей, – двое детей!.. – вдруг понял, что эти дети могли быть не его, у них, у него с Татьяной.

– Могли, конечно, Елисей, но тогда жизнь замерла бы у тебя.

– А сейчас?.. разве не сплю я?.. всё забыл...

– Но проснёшься, просыпаешься уже, а я бы не позволила тебе.

– Почему?..

– Тогда ты Василису бы пошёл искать.

Проснёшься, просыпаешься, не позволила-а тебе!.. что за чушь... все что-то хотят.

– Я вещь какая что ли?

– Ты не вещь, но я тебя любила и люблю и потому, хотела бы взаимности, но ты очень много хочешь, нет у меня столько.

– А у Марии есть?

– Нет, поэтому она и просчиталась, может этим мне помогла тебя понять.

- Тогда зачем мне просыпаться?
Но Татьяна разговор не поддержала, а спросила о другом:
- Ты нашёл свою Василису?
– Василису-у?..
– Ну ту, что вселенную в себе несёт, которая тебя достойна?
Образ Василисы в сознании мелькнул. Дал ей свои стихи!.. зачем?.. мелькали целые картины жизни. Василиса!.. такое ощущение, что они уже встречались, но где?.. зачем?.. не важно.
- Я не знаю.
– Я знаю, Елисей, иначе бы нас не позвал к себе.
– Кого это, вас?
– Всех, кого любил когда-то.
– Я не звал. Зачем мне будоражить сердце, боль туда пускать?.. вроде никогда не был мазохистом.
- Значит, это она позвала, чтобы тебя понять.
– Кто, она?.. – не понял Елисей.
– Василиса.
– Зачем ей понимать меня?
– Ты же сам стихи ей дал, создал бурю... мне даже жалко чуть её, знаю, на что способен ты, – но улыбнулась, – в хорошем смысле, Елисей.
- Я ничего не создавал.
– Создал, скоро сам напишешь, но я рада. Елисей.
– Что напишу?
– Я не знаю, но что-то вроде о вихре, который в буре заплутает.
- Наклонилась Таня к Елисею:
– Поцелуй меня!..
– Я женатый, Таня.
Улыбнулась Таня:
– Это ведь не по-настоящему, только, как напоминание, и ты об этом знаешь.
Елисей поцеловал, привлёк к себе, почувствовал тепло её-о... то из молодости, вспомнил...
- Фу-у... ты пахнешь водкой, но я тебе прощаю. Беги к Василисе и в ней меня ищи, тогда встречаться чаще будем.
- К Василисе?.. у меня ведь есть жена.
Засмеялась Таня:
– Я ведь знаю, на кого меня ты променял, но за всё надо платить, мой милый Елисей. Так я жду тебя!.. – просто встала и исчезла в мареве тумана.***
- Елисей очнулся, видит, стоит возле дома своего. Он всё понимал и ничего не понимал. Он знал, что развито воображение у него, но полностью владел процессом. Воображение было нужно для творчества ему, легче вживаться в образ, что творишь, а творить он любил, и в квартире у себя музей устроил, музей резьбы, дизайна, и просто красоты. Но сейчас в сознании образы мелькали ярко, чётко, они летели, будто лошадей табун, всё сметая на своём пути.
- Вспомнил детство, юность, вспомнил, как... что?.. Как много пройдено тропинок, как много пройдено дорог, как много стоптано ботинок!.. Когда зашёл, все были дома, смотрели телевизор, ждали его. Самый маленький Алёша играл в соседней комнате в игру с приставкой. Увидев папу, все кинулись его встречать, радостные и счастливые. И Елисей был рад веселью, упали на пол и устроили кучу малу.
- Пап, а когда пойдём за берёзовым соком?.. – спросила доченька Олеся.
– Скоро. Когда снег сойдёт, и берёзки соком нальются.
– Так долго-о – огорчился сын.

- Не долго. Вот что, вы сделали уроки?
- Сделали, сделали – скороговоркой дочка заверила его.
- Тогда спать пора, время уже много.

Зашла Мария:

- Ты чё так долго?

Повернулся Елисей, посмотрел, будто в тумане, на неё:

- Так, прогулялся.

Мария уловила взгляд его, он изменился, она вспомнила его, этот взгляд, такой же, как тогда, когда только познакомились они. Мелькнула искорка и у неё, но тут же начала затухать. Уловил и Елисей!.. подумал, что вот ведь можно всё вернуть... но что вернуть?.. почему всегда поэзия в прозу превращается, а то и вовсе в попсу?..

Он создал ей все условия для жизни, такие, которые её вполне удовлетворяли, наслаждайся и украшай, его люби, как он того желает и всё прекрасно будет. Да и так прекрасно всё, только блеск из глаз уходит почему-то... Не понимал он, что не способна Мария зажигать огни...

Мария тем временем, на стол накрыла:

- Ешь, иди, мы давно поели.

Елисей пошёл на кухню, сказав детям:

- А вы идите спать, я поем и к вам приду.

Дети убежали.

- Ты чё напился?.. чё за праздник?

Елисей тихо подошёл, поцеловал Марию, та ошарашено смотрела на него:

- Ты чё-о?

- Ничего. Что, вообще, случилось?

- Напился, и целоваться лезешь.

- Только потому, что выпил, ты не хочешь?.. так всегда так...

- Дети не спят ещё, да чего, молодые что ли?..

- Только молодые целуются?

- Отстань!.. спать ляжем, тогда.

Елисей забыл, что всё только в постели, а игра, романтика, авантюризм, в конце концов?..

- Хотя, что думать?.. ляжем, конечно.

Когда поел, детей уложил спать, легли и они с Марией. Елисея колотило от чего-то, переполняло какой-то силой. Мария сделала вид несчастной, которая терпит пьяного мужа... а куда деваться, она ведь жена. Елисей, действительно, навалился на неё всем телом, но прежде полностью раздел, чего не было уж много лет.

- Скажи, ты меня любишь, Маша?

- Ты, похоже, спятил, кровь разыграла, захотел любви?..

- А как иначе?.. ведь на всю жизнь она должна быть, а не только, когда молодые.

Он видел, что жена его не понимает, решил с другого края подойти. Поцеловал её, ожидая реакции, взаимности.

- У тебя сегодня глаза блудливого кота.

Свет был притушен, но не выключен, дети спали в другой комнате, он так захотел. Видел её тело, не старое, лощёное и мягкое, любил такие.

– Любвеобильные, Мария!.. – поправил Елисей, – это потому что кот в душе скребёт когтями.

Не понимала его Маша.

- Делай своё дело, ведь завтра на работу.

Елисей даже застонал...

- Плевать, мы животные что ли?.. ты не хочешь?.. всегда меня терпишь?..

Промолчала Маша.

– Ладно, спать давай. Действительно, чего пристал, – упал рядом Елисей.

Мария оторопела, возмутилась вдруг:

– Зачем тогда раздел?

– Оденся, я же не знал, что ты не хочешь.

Наступила тишина, что угнетала почему-то. Спустя пару минут Мария повернулась и легла к нему на руку, прижимаясь к телу. Видно было, что в чём-то она себя ломает.

– Сегодня куртизанка ты, я так хочу – сказал вдруг Елисей, вспомнив Татьяну.

Мария не понимала, но, видя огонь в его глазах, замолкла, смирилась. Ночь была бурной, стонала Маша, ей понравилось, но почему так мерзко у Елисея на душе.

День закончился, ночь пролетела, и закружило Елисея, закружило, он падал в пропасть, иль поднимался в небо, как всё понять?.. Что изменилось?.. Да ничего не изменилось, всё, как всегда, вспомнил просто, что раньше поэзия была, сейчас проза. Кто эту прозу кормит?.. мы сами, когда чувства в привычку переходят. И вот сейчас у него чувства взбунтовались, требуют внимания к себе, он помнит, но воспоминания мелькают хоть и ярко, но хаотически, бессвязно. Последнее время, даже годы, он много читал и это, в основном, была эзотерическая литература, он даже практиковать пытался, и что-то получалось, но угасали чувства. Решил, что надо прекращать, а то так недолго и свихнуться.

Как он живёт?.. По привычке!.. почему?.. так все живут, но он не хочет больше... – сидел и думал Елисей на кухне. Мария спала сладким сном. Для чего она живёт?.. чтобы детей родить и бросить на эшафот жизни?.. А он для чего живёт?.. смотреть, как мерзость процветает всюду. Шёл тысяча девятьсот девяносто восьмой год, сменился не только внешний облик мира, менялось содержание и краски и то, что получалось, не имело права на существование, не говоря о жизни, так ему казалось.

Понял Елисей, что что-то происходит и не когда-то, а прямо сейчас, будто всегда всё это было. Скоро сорок лет ему, он ждал, хоть и забыл... он просто ждал всегда! Сейчас он перед выбором стоит, на перекрёстке тех самых трёх дорог. Сейчас вызов он бросает самой жизни, ведь он решил, что так не может быть, а значит и не будет. Но что он может сделать?.. нет у него возможности что-то менять... но так ли это?..

Надо искать что-то иное, искать, искать, искать!.. Надо сильнее жизни стать, судьбы сильнее, а там посмотрит, делать что. Понимал и то, что вызов брошен, и он или победит, или погибнет, но!.. победит, конечно. Юношеская категоричность возвращалась, хотя так много препятствий, сомнений, и сколько будет людей вовлечено в круг ускорения, непредсказуемости, авантюризма... Это где-то глубоко чуть вспоминалось, но не осваивалось полностью пока.

Понял одно, что этому причина Василиса, встающая из памяти, как чистый образ, как идеал, что создан ещё в детстве. Надо как-то это понять, пока события не опрокинут всё, что было, есть и будет. Голова гудела, но сердце бунтовало, нет чёткости, что делать и куда стремиться, как-то следует определить... Сел, взял ручку, и начал записывать слова, которое в душе звучали и, казалось, они определяли суть его противоречий и указывали цель.

Опять стою на перепутье,
У перекрёстка трёх дорог,
Где камень выбора извечно,
Стоит, как огненный порог.
– Иди на право – ветер шепчет, —
Там слава, деньги и почёт!..
Или налево!.. там
Птица райская поёт!
Не надо славы, райских песен,

Пойду любовь свою искать,
И не Кощей, не Змей Горыныч
Не смогут Витязю мешать.
Найду тебя, моя отрада!..
Где бы, и кто бы ты не была,
Иди по тропинке!.. шепчет сердце
Куда бы она не привела!

И понял, что предстоит идти туда – не знай куда, чтобы найти то – не знаю что, но!..
улыбнулся Елисей, он определился и потому готов. Пусть не обозначен путь, но кто мешает
самому решать?..

Глава вторая

Шла Василиса на работу и думала об Елисее, хоть и знает его уже не первый год. Вспомнила его глаза, всегда колючие и грустные, но не задумывалась никогда. Жизнь сейчас никого не радовала, и почему быть у него должно иначе. Не это главное. Замечала одну особенность в его работе, он будто исчезал... сложно уловить, где он, вообще. Нет, он всегда появлялся, когда нужен, но!.. именно, появлялся, а не был. Думала о нём, как о тяжёлом человеке, замкнутом в себе. Правда, в последнее время становится помягче, будто оттаивал, но от чего?.. что в жизни у него произошло, что так закрыться надо?..

Вот чего, точно, не ожидала, так это то, что он ей дал вчера. Он пишет стихи!.. Елисей и стихи?.. вот что было непонятно. Она сама писала, когда в душе звучали, а звучали почти всегда, когда грустно, когда весело, когда плакать хочется, от безысходности какой-то и когда летаешь, словно птичка... она вдохновение в себе искала, а он?.. И почему дал ей почитать свои стихи?.. Она, вообще, считала, что это то, что не на показ, это глубоко в душе под грифом – «Секретно». Улыбнулась Василиса, выходит, рассекретил...

Вспомнила, что когда его стихи читала, в душе буря начиналась. Нет, она умела сдерживать эмоции и чувства, но здесь?.. одни мысли, одни чувства, понимание, будто это не его – её стихи, даже внешне мысли выражены одинаково. Лирики меньше у него, но суть одна. Такое внутреннее созвучие и с кем?.. с Елисеем?.. она не ожидала. Полный унисон звучания. Немного растерялась Василиса, чувствовала, хоть ещё не понимала начало изменений в её жизни.

Непонятно было, чего он от неё хотел и хочет, если так сильно раскрывается перед ней. Или в себе устал нести, так она причём и почему?.. Ей чаще проблемы выгружали, но не душу, а тут!.. ладно, это что-то новое, посмотрим.

Так незаметно в цех пришла, переоделась и пошла по цеху. Невольно покосилась на место, где Елисей работал, но, как обычно, не было его нигде. Появился на глаза только через часик, увидел, улыбнулся. Почему?.. опять возник вопрос. Раньше не замечала, считает, что через стихи связь установил?.. Подошла к нему:

– Здравствуйте Елисей.

– Здравствуйте, – поздоровался и Елисей, всё так же улыбаясь.

– Я сейчас, принесу-у!.. – быстро удалилась Василиса.

Когда повернулась и пошла, почувствовала внутреннюю связь, но всячески сопротивлялась ей. В сознании воспоминания всплыли, будто из грёз и не из грёз одновременно. Что же это?.. Они вместе, молодые, где-то встречались будто?.. Она знала, что так бывает, когда какой-то человек с идеалом чем-то схож. Блажь всё, не могли они нигде пересекаться.

Его стихи!.. созвучие их мыслей удивляло, но копаться не хотелось. Она не знала, что ему сказать, потому что не знала причины, зачем он перед ней раскрылся. Раскрыться вот так, перед неизвестным и даже, если давно знает, человеком!.. зачем?.. Зашла к себе в конторку, взяла рулончик со стихами и принесла ему. Он терпеливо ждал.

– Вот, – подала, всё ещё не зная, что сказать. Решила, что если спросит, скажет, что хорошие стихи, но он не спросил, а!.. просто ошарашил:

– А свои стихи дайте почитать.

– Свои-и?.. но...

– Не пытайтесь обмануть, знаю всё равно. Можно отказать, но невозможно обмануть, да и не стоит.

Этого не может быть!.. откуда знает?.., она никогда никому не открывалась.

– Я подумаю – ответила она.

И опять же, почему не отказала сразу. Своим – подумаю, она призналась и, по сути, согласилась. Не знала Василиса, что захвачена уже в какую-то игру и как всё обернётся?.. не только

от неё зависит. Не понимала, что то, что происходит она сама в своих стихах и грёзах себе определила, просто создались условия такие, которые соединяют реальность с идеалом или наоборот.

Тут сопротивляться бесполезно, можно только, чтобы хоть как-то влиять, включиться и начинать определять события самой. Именно, включиться, стать наблюдателем и игроком одновременно. Это трудно, очень трудно!.. И тогда какой-то вихрь захватывает человека и бросает в неизвестность, пока человек не догадается принять решение, чтобы стать не листиком в волнах стихий – жизненных коллизий, а, поистине, творцом и укротителем стихий.

Вот и сейчас, надо было отказаться, не принимать условия и просьбу Елисея... и ветер станет затихать, пока не превратился в бурю. Но ей не хотелось, пусть будет, надо узнать его получше. Решила, что он просит не стихи, это причина только, ждёт помощи какой-то. Может что-нибудь в семье?.. нужен совет ему?.. Если так, то стихи-то здесь причём?..

Что-то случилось... Раньше она его почти не замечала, сейчас на глазах везде. Куда не посмотрит, всюду он перед глазами, нет, не мерещится, работает усердно. Везде успевает, где она. Понимала, что это потому, что она его просто избегает, но почему?.. что изменилось?.. вроде ничего.

Он не надоедает ей, встретятся, улыбнётся и проходит мимо. Ушла к себе в конторку, чтобы успокоиться, но и отсюда весь цех, как на ладони и опять он на глазах везде. Надо успокоиться!.. хотя, спокойна вроде. Вот именно, спокойна. После обеда всё стало затухать и забываться как-то, работы много было, некогда думать и гадать. Это домой придёт, решит, что делать. Решила, что выберёт самые простейшие по тематике его стихов и даст ему, а там посмотрит.

День закончился рабочий, с Елисеем больше не говорили ни о чём, он занимался, с каким-то даже рвением, своей работой... Василиса успокоилась совсем, проблем и без Елисея много, некогда скучать и думать. Сегодня хорошо, вовремя идёт домой, немного только задержалась, со второй работой управилась заранее. Одна с тремя детьми, зарплата небольшая, время тяжёлое, хотя, когда было иначе?.. работать приходилось на двух работах, да так подрабатывала, где придётся. Устала и обо всём забыла.

Вышла с проходной и уже пересекла заводскую площадь, как услышала, кто-то окликнул. Не хотелось ничего, не разговаривать, не останавливаться, обернулась просто, глазами умоляя, чтобы не трогали её. Отказывать Василиса не могла, не умела по доброте сердечной. Увидела его:

– Елисей!.. что-то хотели?.. – мгновенно преобразилась, стала серьёзно, чуть властной, сильной, как обязывала должность.

– Василиса!.. можно я провожу вас?.. – спросил несмело.

– Вам же на автобус.

– Уеду. Это не проблема.

Подумала чуть-чуть, поняла, опять надо принять решение, но она устала, и не хотелось ей, потому, вместо отказа, согласилась.

– Ну, проводите, если хочется, а заодно и поговорим о том, о чём хотели в нерабочей обстановке, – повернулась и пошла.

Елисей догнал, рядом пошёл.

– Вы торопитесь?

– Нет, только в магазин надо будет сходить, но успеется.

Василиса не знала, говорить о чём, просто ждала, но, если бы он даже просто молчал, рада была, было приятно с ним идти, даже гордость какая-то внутренняя грела, что она идёт с мужчиной. Хотелось взять его под ручку, просто идти, молчать. И как интересно!.. он, действительно, молчал, шёл рядом, будто чувствовал состояние её.

– Вы устали, Василиса?..

Обомлела Василиса, кто-то проявил участие, заботу.

– Немного, – ответила ему, – но внимания не обращайтесь, думаю, не о работе будем говорить?..

– А если, вообще, не говорить?.. просто прогуляться, помолчать, вы ведь так хотите?..

– Я не против, помолчать, – но после небольшой паузы, спросила: – вы давно пишете стихи?.. и зачем?..

– Всегда, Василиса, когда грустно, когда радостно, когда плакать хочется и когда летать... Да что там говорить, сами знаете. А зачем?.. да не зачем, наверное, хоть как-то жизнь украсить.

И опять, мысль выразил даже её словами, она не верила своим ушам...

– Что-то в семье?

– Елисей пожал плечами:

– Нет, в семье порядок, – к сердцу руку приложил, здесь, наверное.

Василиса посмотрела с подозрением на него.

– Нет, нет, Василиса, это, скорее всего, боль за то, что творится в мире. Вы извините, просто, что-то есть у вас, а что, пока не понял.

– А как вы узнали, что я тоже пишу стихи?

– Это же видно, по глазам, движенью, мимике лица, прикрывать вы не умеете совсем.

– А вы умеете?

– Я умею. Как ёжик, иголки поднял, а сам калачиком свернулся. Вы видели ёжика в лесу когда-нибудь?

– Видела, только на ёжика вы, точно, не похожи.

– А на кого похож?

– Я не знаю, не определяю по таким признакам.

– Я вам скажу, как знаю. Когда по цеху куда-нибудь идёте, то видно там, идёте где, а чувствуетесь где-то впереди.

– Вот как!.. я не знала. Вас, например, так трудно уловить в одном месте. Вроде, как только что здесь и уже возле станка...

– Вот!.. а я о чём, так и с вами, только мягче как-то.

– Интересные наблюдения, спасибо.

– Вы же удивились, что вам дал почитать свои стихи?

– Удивилась. Удивилась, почему мне?.. что, больше в цехе нет никого, кто так же пишет... если вы видите?..

Василиса видела, как оттаивает Елисей, взгляд меняется, нежным становится, хоть и всё ещё пронзительным... но, будто светом наполняется каким-то.

– Есть, наверное, но с вами очевидно, пока ещё не понял. Тем более, хочется понять, что-то родственное, хоть и неуловимое.

Василиса остановилась даже... родственное!.. он ещё не читал её стихи.

– Что понять?

Но Елисей её уже не слушал, она даже физически ощущала, что у него в голове какая-то идея зреет.

– Всё не сказать здесь, Василиса, – повернулся к ней, – почему бы вам в гости меня не пригласить?.. в субботу, например?..

– В гости-и?..

– Не торопитесь отвечать.

Пристально Василиса посмотрела на него, подумала, что он лукавит и есть у него проблемы дома, хочет посоветоваться...

– Хорошо, Елисей!.. только вы подумайте и не наделайте глупостей.

– Нет, конечно, Василиса, – он уже сиял, как солнце.

– Вот, мы и пришли.

Она думала, что он прямо сейчас попробует в гости напроситься, но!..

– Вы обещали мне стихи... .

– Когда это я обещала?.. – но улыбнулась, – завтра принесу.

Внутренне она радовалась, вот чему, пока не понимала, просто немного кружилась голова.

Дома Василиса быстро квартиру осмотрела. Переехали они недавно, четырёхкомнатную разменяли. Радовало то, что полностью освободилась от зависимости мужа, с которым не жила уже шесть лет, да и детей определила, уже большие. Старшим дочкам двухкомнатную на двоих, муж однокомнатную получил, и у неё двухкомнатная с сыном. В общем, всё прекрасно, только чувствовалась немного неустроенность, как обычно сразу после переезда.

Посмотрела внимательно везде, вроде порядок, чистота, а то, что не все чемоданы распакованы, так не беда. Стоп!.. а что это она вдруг засуетилась?.. Елисей придёт в субботу!.. И что?.. Села на кровать, задумалась: придёт?.. будто праздник?.. она его совсем не знает, как человека, только, как работника, но это ведь не показатель, она в этом не раз убеждалась. Какая цель его прихода?.. чего он хочет?.. Ладно, потом и будет думать, а пока надо приготовить ужин, сына накормить и поесть самой.

Встала, но не пошла на кухню, а подошла к окну, чтобы открыть шторы, сейчас солнце на закате в окна светит, она любила много света. Подошла, распахнула занавески, в комнату ворвался свет, будто только этого и ждал, залил её сиянием радужным, она почувствовала свет даже физически, будто в грудь ударил, чуть подумал и заключил её в свои объятия, проникая в сердце, что-то потревожил в нём!.. что-то родное, но забытое давно.

Солнце садилось, пряталось за горизонтом и это его салют прощальный Василисе. Как здорово!.. – она давно его игры не замечала. Стояла и смотрела, как заворожённая, на солнце, что уходило спать, но только для неё, немного погода совсем исчезло.

– Всё!.. – выдохнула Василиса.

В этот момент опять пробился лучик из-за горизонта будто, ударил в лицо светом, быстро к груди спустился и юркнул в сердце, которое взорвалось тысячами состояний, чувств, напоминаний. Она не могла стоять, тихо попятилась и села, прислушиваясь к сердцу своему, которое огнём пылало. Нет-нет – это давно забытый лучик стал зажигаться светом, пытался вырваться на волю из груди.

– Но зачем?.. ведь лучик выйдет из груди, чтобы любить, но это невозможно. Надо его уговорить, назад отправить, там есть идеал, там сказка, мир её, снаружи проблемы и страдания. Но лучик в сердце не хотел сдаваться, он рвался, разрушая все каноны, привычки, традиции и даже здравый смысл, ведь этот лучик был источником любви, которая ещё не проявилась, хоть ей уж сорок пять.

– Нельзя, нельзя!.. – шептали губы

Она не понимала, происходит что, с Елисеем не связывала вовсе, она не видела, кого любить, не знала, значит, зачем тревожить?.. И потом, любовь безумна, столько наделает ошибок. И поняла вдруг, что столько её скопилось в сердце, что она ослушалась её, но не куртизанкой же ей становиться?.. это только для самого любимого прерогатива, и то, по его просьбе. Нет, надо другой образ выбирать... Почувствовала себя вдруг Клеопатрой – сильной, волевой царицей!.. И чувства стали затухать под строгим взглядом Клеопатры. Теперь искорку разбудит только тот, кто жизнь будет готов отдать, нет, не за неё, а за любовь свою. Есть ли такой, вообще?..

Встряхнула Василиса головой, чтоб наваждение снять, подумала: – Ведь это её сказка только, но!.. в сказке Елисей!.. Ведь это он придёт, разбудит её горячим поцелуем?.. Он придёт в субботу!..

– Нет, нет, это невозможно!.. – быстро встала и пошла на кухню.

Когда поели, в магазин сходила. Стало совсем спокойно, даже забыла Елисея, боялась дать возможности ему прикоснуться к лучику её. Стихи?.. так она просто придумала себе родство через стихи, все так пишут, наверное, сейчас.

На лестничной площадке встретила Бориса. Он в цехе у них работал года три назад, живёт где-то в городе, а здесь-то как появился?.. Вспомнила, как ухаживать за ней пытался, но грубые были его знаки внимания. Не было в них чувств, только желание обладания. Вообще, не понимала, как можно без чувств в постель ложиться, считала это унижением большим. Не любила, когда мужики себя ведут с женщинами вульгарно и по хамски даже. Считают, если разведена, то всё позволено и можно руки распускать и пошлости, как комплименты говорить.

– Василиса-а?.. удивился искренне Борис, – ты как здесь оказалась?..

Василиса посмотрела на него, узнала.

– Квартиру разменяли – ответила она, пытаясь протиснуться к своим дверям.

– А у меня тётка здесь живёт – показал на соседнюю квартиру, – к ней приходил.

Он стоял, и путь ей перегораживал домой собой, а уходить как-то неудобно было.

– Как там, в цехе?.. спросил её.

– Нормально.

Вдруг будто загорелся:

– Слушай, пригласи домой, поболтаем.

– Нет, нет, дети скоро придут в гости, да и не распаковались мы ещё после переезда.

Борис ласково обнял, так считал, по-видимому... но она так посмотрела на него, что он быстро убрал руку.

– Ты, Василиса, не грузись, мне сейчас тоже домой надо, я так хотел, пять минут, чтоб не на площадке.

– Потом, Борис, устала я сегодня что-то, – умоляюще смотрела на него.

– Ладно, – согласился он, – в субботу через неделю приду к тётке, дома будешь?

Василиса пожала плечами:

– Наверное, дома.

– Так я приду, поговорим, – посмотрел многозначительно на Василису.

Василиса промолчала, она понимала, зачем придёт Борис. Но, в принципе, она ни от кого не зависит, кому какое дело?.., кто и что, но!.. мерзко это. Такие могут придти только с гонором, что вот, мол, осчастливить надо бабу, давно мужика не знала... тьфу!.. Конечно, если бы просто поговорить, есть общие воспоминания и неплохие, сколько общих друзей, знакомых, вспомнила походы, пикники на берегу пруда...

Опять в сознание появился образ Елисея... а он зачем придёт?.. уж не за этим ли?.. Василиса даже испугалась, что же делать?.. как же она сразу-то не догадалась?.. но!.. душа затихла и даже, будто потянулась!..

– Так как, Василиса?.. – настаивал Борис.

– Ладно, – согласилась Василиса, чтобы скорее отвязаться, до следующей субботы время есть, что-нибудь придумает.

Добившись ответа, Борис, наконец-то, пропустил её к дверям, а сам пошёл, ещё раз повернулся, заговорщицки ей подмигнул. Почему так, не понимала Василиса, то нет никого, то лезут со всех сторон, будто падшая она?.. Не понимала, по наивности своей, что это в ней чувства проявляются начинают, они не оформлены ещё и нет направления, потому к магниту все, кто не попадая притягиваться начинает, как бабочки на свет, только сначала все, кто тепла хочет, кому тепла дома не хватает.

Дома не находила себе места, мысль, возникшая от разговора, не хотела сознание покидать. Бориса она боялась, но думала, что найдёт выход или совсем искать не будет, мало ли мужиков, которые и не мужики, только самцы. Там похоть только, всегда можно найти сред-

ство, чтобы избавиться, препятствие устроить, что-то придумать, главное, знать человека. Такие блудливые коты препятствия не любят, да и боятся.

А вот Елисей!.. она его совсем не знает в этом смысле. В цехе он вольностей себе не позволял, был всегда в себе упрятан, а что в душе, не ясно. Правда – стихи-и!.. а что стихи?.. вспомнила его стихи, почувствовала сердцем и будто песня полилась дуэтом.

– Нет, он не такой, он, действительно, в помощи нуждается, не в блуде, – сказала вслух для большей убедительности. До субботы время есть, посмотрит, как и что.

Села Василиса, тетрадь достала со стихами и начала выбирать такие, какие завтра Елисею даст, ведь обещала. Отобрала, переписала аккуратно и отправилась спать, прежде предупредив сына.

Ночью ей приснился странный сон. Будто плывёт она по морю-океану, плывёт волнам на встречу, которые порою возвышаются до неба. Они падают прямо на неё, пытаюсь утопить, но нет, она знает, что надо грести на встречу, чтоб не утонуть. И вот она поднимается на гребень волны и камнем падает куда-то вниз. Сжимает зубы, чтоб не закричать. Подумала, что как бы было хорошо научиться ветром управлять, чтобы полный штиль устроить, но зачем?.. чтобы отдохнуть!.. она устала, устала без любви, без помощи, без ласки!.. устала!.. Вспомнила, что ведь и плавать не умеет. Стала тонуть!.. нет, нет, ей никак нельзя!..

Буря вдруг стала затихать немного, по-видимому, чтобы вновь начаться с новой силой, и обрушиться всей этой силой на неё, чтоб поглотить, на этот раз и утопить. Нет сил сопротивляться, но!.. видит, поморю, ладья плывёт, как в сказках, а в той ладье кто-то стоит, рукой кому-то машет. Кто же это?..

– Э-эй!.. – закричала Василиса.

Обернулся человек, что на ладье, а был он один, больше не было с ним никого, но она его не узнавала, в сумраке плохо было видно, да и волны мешали разобрать. Какое её дело, помог бы только... Ладья направилась к ней, но не прямо, а постоянно маневрировала, пытаюсь волны обмануть, и ему это пока удавалось. Иногда она видела, как волна накрывает полностью ладью, и сердце замирало, но в самый последний момент, ладья к волне успевала носом повернуться и взлетала вместе с ней на самый гребень, чтобы на шаг приблизиться к уставшей Василисе.

Совсем немного, совсем чуть-чуть осталось. Человек, а это был мужчина, уже можно было разглядеть, лучик света кинул ей.

– Зачем он мне?.. мне нужен канат, что б на ладью забраться, – но потянулась к лучику, чуть не плача, ведь этот лучик света и есть последняя надежда!..

Слёзы катились градом, ведь если не дотянется, погибнет, она устала очень. И!.. дотянулась!.. дотянулась и сознание будто потеряла, чувствовала только, что кто-то поднимает на палубу ладьи её.

– Всё?.. – спросила тихо.

– Нет!.. это начало только.

Посмотрела, кто же спас её...

– Елисей!.. ты как тут оказался?..

Улыбнулся Елисей:

– Давно в шторм не выходил в море, решил сноровкой с океаном потягаться, а тут ты-ы!..

Ладью болтало ураганом, вот-вот перевернёт...

– Ты справишься тягаться с океаном?..

Обернулся, посмотрел на Василису. Глаза сверкали искрами огня, лицо сияло:

– А куда я денусь, Василиса-а-а!.. – вдруг закричал, что есть мочи, – Буря, буря!.. жажду бури!.. Мне покой не по душе, зноем тянет от покоя, от бури свежесть на душе!.. Плачет, рвётся и рыдает беспокойная душа!.. вся изранена, избита, не побеждённая она. Пусть противник

не ликует, я ему не по зубам, будет время, буря грянет, разгонит нечисть по углам!.. – под управлением Елисея ладья уверенно пошла навстречу ветру.

– Мы куда плывём?.. – спросила Василиса.

– Всё потом, всё, только навстречу ветру, пока не станешь океаном, чтобы плыть никуда не надо было.

– Как?..

Но не ответил Елисей или не успел, она проснулась.

Лежала Василиса на кровати, не хотелось никуда идти, даже вставать, казалось, сил не хватает. Что произошло или происходит? Будто вихрь какой-то захватывает её жизнь, в котором чувствует себя маленьким листочком. Она всё ещё не связывала возбужденье чувств с Елисеем, даже думать об этом страшно было, ведь он женат и дети у него. Дети у него?.. а если б не было детей, если б был он не женат?.. Сердце застучало быстро-быстро.

Если бы, да ка бы!.. встала, быстро позавтракала и побежала на работу, уверенная в том, что откажет Елисею в том, чтоб он пришёл в субботу. Решила твёрдо.

Поняла, что если думает о нём, значит, он ей уже не безразличен, не надо давать волю чувствам, не тот случай и потому, лучше обрезать сразу. Пусть больно будет и ему и ей, если оставить, потом больнее будет. Дам ему свои стихи, раз обещала и скажу, что в субботу поговорить с ним не смогу, что-нибудь придумает по ходу.

В цех рано пришла, и Елисея, скорей всего, не было ещё. Он и придёт, так всё равно на глаза с утра не попадёт, просто шла и осматривала пространство. Была одна особенность у Василисы, приходила на работу и, в первую очередь, делала обход, просто по цеху проходила и чувствовала пространство, оно будто было живым и рассказывало, как день пройдёт. В опасных местах, будто туман белесый собирался или пространство более плотным было, это говорило ей, что здесь надо обратить внимание. Если в этом тумане какой-нибудь станок, то посылала ремонтников проверить.

Эту особенность свою она хорошо освоила и пользовалась этим. Были, конечно, и срывы небольшие, но, по большому счёту, помогало всегда. Отметила, что сегодня нет нигде тумана, напротив разреженность какая-то и свежесть, само пространство наполнено каким-то светом и нет опасных мест, всё излучало свет, благоухание и счастье. Проходила уже мимо места Елисея и!.. как не странно, он уже был здесь. Растерялась даже:

– Вы уже здесь?..

Улыбнулся Елисей, сегодня он весь, как солнышко сиял, никогда его не видела таким.

– Здесь!.. а где я должен быть?..

– Да, действительно, где!..

– У вас есть работа?

– Есть, много, Василиса – с вопросом на неё смотрел, – вы принесли, что обещали?

Василиса покраснела чуть... вот ведь как?.. достала из кармана халата несколько листочков и подала ему.

– Только, пожалуйста, потом!.. и ничего не говорите, и не просите больше, хорошо?.. решила сразу о субботе всё сказать ему, – Да-а...

– Хорошо, Василиса, больше не буду, просто почитаю и всё, мне достаточно, чтобы понять... Если захотите, сами что-нибудь дадите почитать. Хотя-я, у меня предложение – вот в субботу приду, поговорим и о стихах, в том числе.

Вот ведь как?.. хотела отказать, а как теперь откажешь?.. он уже всё определил... это же уничтожить веру и надежду, его счастье и сияние души. Какую веру?.. просто поняла, что нельзя так делать. Вот в субботу и скажет. Что скажет?.. подумаешь, стихи, это же только интересы или общение по интересам, но!.. сердце не желало принимать никакие отговорки, в созна-

ние искорка мелькнула, как возвращается!.. кто же?.. это же он, кто от грозы укрыл и исчез бесследно.

– Вы чего сегодня такой счастливый?

– Как чего?.. потому что солнце светит, потому что есть работа, что людей прекрасных много, потому что есть ты, Василиса!

Первый раз обратился к ней на ты.

– Елисей!.. – посмотрела с подозрением, – уж не влюбился ли?.. – но ответить не дала, – работать не пора, романтик?

– Пора – согласился Елисей, – сегодня день хороший, цех благоухает весь, много работы можно сделать, сам воздух помогает.

– Как это?.. – насторожилась Василиса.

– Просто. Когда утром в цех прихожу, вижу все опасные места, будто туман какой-то. К этому месту просто не подхожу. Иногда весь цех в тумане, тогда у всех не ладится работа.

– Да-а?.. – удивилась Василиса, шокированная его словами. – Ладно-о, пойду я, если у вас всё есть, мешать не буду, а если что срочное появится, найду.

– Ты не мешаешь, Василиса.

Опять не официально и на ты, отметила она.

– С тобой что-то произошло, Елисей?..

– Произошло!.. конечно же произошло – чуть приблизился, – песня в душе звучит, но не это главное, а то, что эту песню кто-то понимает, сам факт и я могу сказать тебе об этом, не опасаясь... А у тебя?..

– Что у меня?

– Не звучит?

– Звучит, Елисей, конечно же, звучит!.. – улыбнулась Василиса мило, заражаясь весельем

Елисея.

– Вот!.. а ты говоришь, ничего не происходит.

– Когда это я так сказала?

– Значит, подумала.

– Подумала-а?.. а ты читаешь мысли?

– Мысли то причём, это видно.

– Да-а?.. тогда пора мне уходить, пока не поздно. Вот считаешь, может, иначе всё увидишь...

– Посмотрим!.. я вспоминаю, Василиса.

– Что?

– Пока не знаю... тебя, как будто.

– Всё, работай, Елисей, – она повернулась и пошла, чуть растерянная от разговора и веселья Елисея.

Много ли надо человеку?.. всего-то понимание, даже участие простое, чуть-чуть и человек меняется диаметрально. Не все... вспомнила, что некоторые пользоваться начинают, и всю грязь потом несут, как в сливную яму.

Подумала, что хорошо, что не успела отказать, ведь он один из тех, кто светом делится, радостью и счастьем, он не сливает всякие помои, он наполняет светом. Вот совсем немного с ним поговорила, а переполнена его весельем, его счастьем, надо будет поблагодарить его потом. Обернулась, пытаюсь посмотреть, но нет его уже нигде. Уловила, как мелькнул у сушек, выбирает доски, пока шла, его уж нет. Даже немного огрочилась, но!.. пошла к себе в конторку, там наряды есть, надо распределить рабочим.

Больше до обеда она Елисея не встречала, просто не было возможности уловить его, но и она, будто летала. Девчонки говорили, что она, как солнышко сияет. Она всё пыталась

встретить Елисея, как бы случайно, но он словно избегал её. Вот и хорошо – подумала она, – наверное, почитал стихи и задумался о чём-то, понял, что лучше унять чувства...

Ближе к вечеру всё-таки увидела его на своём рабочем месте, сидел и отдыхал. Подошла к нему, он будто не заметил даже.

– С тобой всё в порядке, Елисей?

Посмотрел на Василису, будто в тумане... где-то в себе копался, она знала такие состояния человека, решила, что лучше не тревожить, но он вдруг улыбнулся и заговорил:

– Это не твои стихи!..

– А чьи?

– Мои!.. – посмотрел ей прямо в глаза, – такого не бывает, Василиса!..

– Не знаю, Елисей, наверное, бывает, но, думаю, надо забыть. Я не понимаю, зачем ты дал мне почитать свои стихи?.. зачем?.. проще было в зеркало посмотреть, во внутреннее зеркало. – Опять внимательно на Елисея посмотрела, пытаюсь его мысли угадать, – ладно, рабочий день закончился. До свидания, Елисей и, пожалуйста, не пытайся проводить меня сегодня.

– Хорошо – согласился Елисей.

Она пошла, сон вспомнила вдруг чётко. Там он на ладье плывёт навстречу ветру, её с собою взял!.. куда плывёт он?.. куда?.. вдруг поняла, что и ей, отныне, рядом плыть... потому и следует понять, куда плывёт он, что считает в жизни главным. Пугало то, что он меняется молниеносно.

Глава третья

Суббота, сегодня выходной, но Елисей встал рано, даже раньше, чем обычно. Все спали, а он на кухню вышел солнышко встречать, как любил он выражаться. Окна на кухне выходили на восток, потому восход солнца целой мистерией осознавался. Комната небольшая, а при восходе солнца света много, контраст зачаровывал его всегда.

В такие моменты ему никто обычно не мешал, все ещё спали, а если и не спали, то Мария ему старалась не мешать, ей не особо нравился рассвет. У неё, вообще, последнее время от Елисея голова болела почему-то. Правда, не настаивал с ним находиться постоянно, и это хорошо.

Елисей просто сидел на кухне, ждал рассвета, размышлял, скорее, даже не размышлял, а ни о чём не думал, наблюдал, как внутри энергия кипит, то затухает полностью, даже биенье сердца будто прекращается тогда. Свет не включал, скоро и без света станет много света, погода ясная сегодня и!.. Вот тот миг!.. первый луч сверкнул в окне и спрятался мгновенно!. Природа глубоко вздохнула, будто в себя всю ночь взяла, вдруг!.. выдохнула светом солнца, который в одно мгновение заполнил всё пространство светом, всё – от края и до края. Казалось и стены дома, в том числе насквозь светом пропитались.

Елисей встал, к окну пошёл, чтобы себя подставить мощному потоку света, но!.. что-то изменилось, что?.. солнце выпрыгнуло, будто и побежало быстро по своему извечному пути, через несколько секунд скрылось за горизонтом. Всё так происходило быстро, что закружилась голова, он ухватился рукой за спинку стула, чтоб не упасть, ещё не сообразил, что произошло, а солнце вновь появилось на востоке, опять мистерия рассвета и так много раз, пока всё пространство не вспыхнуло всполохами света радуги цветов и всех оттенков.

Красота неопишуемая восхищала и переполняла душу. Знал Елисей, что такие необычные явления надо просто объяснить себе и всё нормально будет и, конечно же, он понял, что это состояние души, нечто, превышающее даже здравый смысл, но ему понятно было, что в душе он прожил, целый месяц или год за несколько минут, или видел с ускорением, как наблюдатель. Всё так быстро в душе происходило, что уловить конкретно что-то было невозможно, но, главное, понятно всё... И даже понял как произошло ускорение движения времени в сотни тысяч раз!.. Понял, что это произошло в связи скорости движения его мыслей. Много читал и изучал по этому вопросу...

Но думать больше не хотелось, есть, было и прекрасно, это радость, восхищение и наполнение светом самой матушки природы!.. Сегодня он собрался к Василисе. Он ещё не понимал, что происходит, просто радовался, как ребёнок, хотя бы потому, что... чему?.. ведь понимал прекрасно, что детей своих он не оставит, тогда зачем надежду давать Василисе?.. Сомнения, сомнения, сомнения?.. и будто знак ему, как благословение, будто его просят, подталкивают к этой встрече и не только. То, что произошло, это же состояние единения души с самой матушкой природой, её светом. Это она благословляет!..

Необычному явлению он не удивился, это нормально тогда, когда способен объяснить, а он свободно объяснил себе, значит допустимо. Такое с ним и раньше было, и даже пользовался этим по возможности, скорость осознания растёт в разы, это в жизни смекалкой называют, главное, рассудок принимал и даже нравились ему явления такие.

Понял, почувствовал, что наполнен до предела живым светом самой матушки природы. Казалось, что этот свет исходит всюду от него. Посидел ещё немного, будто укладывал сей дар, встал и пошёл одеваться. Марии сказал вчера ещё, что надо на работу, а потом кое-какие сделает дела. К его делам она была равнодушна, если они не касались магазинов, равнодушна была к его мыслям, интересам. Более того, его запросы её пугали, а не радовали и от них голова болела.

Что ж, ему это удобно было, лишь бы не мешала, он сам найдёт всё, что ему необходимо. Жили они уже двенадцать лет, за это время он прочитал сотни книг и не только прочитал, а изучил, в себе копался, исследовал себя, и это прекрасно, что она просто удалилась и не мешала, занималась домом. Скорее, считала его чуть-чуть блаженным, но не трогает её и ладно. Не бедствуют, хоть она и не работает нигде, так, иногда небольшие подработки...

Думал, какую курточку одеть?.. на улице весна, солнце нагревает воздух... одел белую, летнюю. И так весь светится, а курточка будто подчёркивает его сиянье. Подумал, что как на великий праздник едет, улыбнулся сам себе, довольный, собрался уходить. Дети и Мария ещё спали, хоть и время было уже около девяти, но выходной, пусть спят, торопиться некуда. Пошёл, поцеловал детей, пока был в их комнате, встала Мария, увидела его сияющего, спросила:

– Ты чё, сияешь весь?..

Елисей хотел рассказать, но передумал, не поймёт, скажет, что опять что-то придумал... Вот Василиса может и поймёт?.. или нет?..

– Так – уклонился от ответа, – солнце встретил. Смотри кругом, всё сияет, не только я.

Мария посмотрела, видит, что солнце светом заливают кухню и, действительно, сияло будто всё, но не задевало это сильно, свет и свет...

– Долго будешь?

– А тебе-то что?

– Ничего, просто спросила, когда готовить есть.

– Какие-то проблемы?.. не приготовишь, ничего страшного не случится, детей корми и всё. Приеду, приготовишь или я сам...

– Ладно, не злись, – подошла, воротник поправила на куртке, – ты такой красивый!..

– Красивый?.. – давно от неё не слышал таких комплиментов.

– А ты такая домашняя сегодня!.. да и всегда, – улыбнулся Елисей, – ладно, я пошёл, чмокнул в щёчку, развернулся, быстро вышел, удивляясь комплименту. Каким, каким, а красивым он не считал себя, вот это точно. Но вроде не лукавила...

Внизу нос к носу с соседкой столкнулся, что жила под ними, вдова, его возраста и жили дружно. Увидев её, Елисей улыбался во весь рот.

– Елисей!.. – расплылась улыбкой и соседка, – ты чё, сияешь весь?.. такой красавец, как на свидание собрался, а не на работу.

– Вы чё все о красоте-то, договорились что ли?..

– Правда, Елисей, ты сегодня необычный!..

Улыбнулся Елисей, приблизился вплотную, наклонился к уху:

– На свидание иду, – посмотрел заговорщицки, – только ты никому не говори.

– Не скажу, – Татьяна засмеялась и тоже тихо: – а меня-то когда на свидание пригласишь?

– Ты хочешь?.. чтобы пригласил...

Не ответила Татьяна, пошла домой, только обернулась и рукой махнула. Пожал плечами Елисей, с Татьяной они были хорошими друзьями, но не больше, как ему казалось. Что-то иное вдруг увидел в её взгляде, ведь она не может только другом быть, она и женщина ещё, красивая и милая!.. Не стал задумываться дальше, мысль углублять, поспешил на остановку, через пять минут автобус.

Василиса волновалась, как девчонка, сегодня Елисей придёт!.. Что будет говорить, что делать?.. Понимала, что надо было сразу всё остановить, сейчас их может понести, столько общего у них – интересы, мечты и грёзы. Романтиком остался в сорок лет, это удивительно!.. но ведь и она не чувствует себя на сорок пять, напротив, будто восемнадцать ей всего... И почему не встретила его или такого же лет двадцать тому?.. Всеми силами она сдерживала свои чувства. Более того, понимала, что надо найти силы в себе, всё разрешить сегодня.

Решила, что по ходу что-нибудь придумает себе. Возникла мысль шальная и грезилось, как он начнёт к ней приставать, добиваться!.. Она, конечно же, обидится ужасно и!.. что и?.. сможет ли противостоять ему?.. он такой!.. такой!..

Села Василиса, сердце билось сильно, она вспомнила, как Елисей и на другой день после того, как почитал её стихи, сам не свой ходил, будто ёжик в тумане. Она предложила ему в субботу не встречаться, только предложила-а, он через часик стихотворенье сочинил...

«Я ветер!..
Наверное, для ветра нету суши...
пора бы это в сорок лет понять,
лишь для болота лес дремучий
прекрасная, земная благодать.
Для ветра небо – дом родной и милый,
предназначение – буре помогать,
в лесу дремучем он предельно хилый,
ему милее с неба звёзды доставать!

Жизнь моя – болото, ты небо!.. пусти меня к себе погреться?»

Пугало то, что Елисей становится уверенным, открытым, даже немного наглым, хоть и в меру. Но, опять же, если наглеет, значит!.. подумала, как бы она поступила на его месте? ... но так ничего и не придумала, понимала чётко, что если не останутся сейчас, потом уже не смогут, он не как все, он!.. так и не нашла определения...

Посмотрела на часы, скоро десять, вот-вот появится!.. а может, он передумал сам?.. но мысль такая огорчила. Она, действительно, хотела, что б он пришёл. Ладно, чего думать, надо просто сразу дать понять, что этот визит не значит ничего, кроме разговора. Да и придумала она себе, поделится проблемами своими и всё, к ней по другому поводу не обращались.

Подошла к окну и посмотрела вдаль. Жила она на пятом этаже с видом на прекрасный пруд. На берегу много всякой зелени росло, правда, сейчас ещё не распустились листья, но чувствовалось приближение весны. Весна!.. пора любви, цветов и красок всех цветов, пора пробуждения природы, цветения и жажда жизни, продолженья рода. Восхитилась вдруг, это же весна!.. Как же она раньше-то не поняла?.. забыла, ведь просто всё!..

Весной душа нараспашку!..
Взлететь хочу, объять весь мир,
Собрать друзей, родных, знакомых,
Устроить грандиозный пир!..

А разве у него не так?.. может, ищет он друзей, чтобы устроить пир душе своей?.. Ещё больше Василиса испугалась, вот-вот паника начнётся, поняла, что всё, что происходит, уже необратимо. Они оба чувствуют, но что?.. пробуждение души!.. как мотылёк, проснувшись по весне, летит куда?.. летит искать себе подругу, и эта пара должна быть для души его вида... Для Елисея, видимо пришло время пробуждения души!.. А для неё?.. Она ещё не поняла, поняла лишь то, что созвучие стихов её очаровало. Это где-то глубоко!.. вырваться пытается наружу, но она душе не позволяет просто.

Поняв, как не странно, успокоилась, ведь он просто ищет «самку» своего вида и в ней увидел сходство и признаки душевного единства. Чётко поняла, что делать, поняла и то, что будет делать Елисей, зачем придёт. Даже, если они с ним вида одного, не значит, что что-то должно быть, кроме связи интересов. Да и единство душ, не значит непреложность связи, ведь есть же единство интересов, и у них, по-видимому, так и есть. Определилась, стало как-то

легко, чувствовала Василиса, что сама переполнена и требует душа освобождения. Вот Елисей и появился со своими стихами... только стихами!.. Она решила!..

Как гром с небес, вдруг зазвонил звонок!.. стрелой пронзил ей сердце и улетел в неведомую даль. Вмиг твёрдость испарилась, а сердце выпрыгнуть готово из груди. Выдохнула воздух Василиса, встала обречённо и открывать пошла. Шла она, не торопясь, цену сама себе набить пыталась!.. но плохо это получалось, хоть и успокоилась немного.

Открыла дверь!.. Что это?.. дверь не открылась, распахнулась, и в дверях не Елисей стоял, а солнышко огнём пылало, даже глаза закрыть хотела от его присутствия. Он улыбался во весь рот, не скрывая радости своей. Василиса отступила чуть, тихо сказала:

– Заходи!.. и сразу в комнату прямо проходи. – Вот ведь как, растерялась, и поздороваться забыла, – здравствуй Елисей!

Елисей и так весь огнём горел, а белая курточка только подчёркивала этот свет. Улетучились все замыслы её, все мысли, душа, будто крылья обрела и не хотела слушать, а ей хотелось кинуться в объятия к свету, ведь она свет сама!..

Что-то Елисей хотел сказать, может поздороваться хотел, но Василиса опять его опередила и выдохнула, будто из себя:

– Ты такой красивый!.. сияющий!.. родной!.. – немного покраснела, как девчонка, но не важно, она в его сиянии купалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.